

РЕЦЕНЗИИ

*В.С.Вахштайн**

Социология повседневности: от «практики» к «фрейму»

И. Гофман Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Интерес к повседневности в современной социальной теории возрождается под знаком «практического поворота» (*practise turn*) [14] – обособления мира рутинизированных практик в самостоятельную область исследований. В работах целого ряда популярных сегодня теоретиков «практика» претендует на роль универсальной объяснительной категории, а сама повседневность трактуется как пересечение более или менее структурированных потоков взаимодействия. Однако за этим «более/менее» скрывается различие, которое сторонники «практического поворота» старательно игнорируют. Перенос внимания с отрезков деятельности на способ их организации, последовательное изучение структуры и *синтаксиса взаимодействия*, не зависящего от содержания практик, диктует иную, не «практическую» логику мышления о повседневной реальности. В этой логике значимым становится не содержание действий, а их взаимосвязь, интерференция и соотношение друг с другом. Такой «структуралистский» анализ повседневности противопоставляет практикам *фреймы* – нередуцируемые и неконструируемые формы социального взаимодействия.

Идея фрейм-аналитического исследования повседневной реальности непосредственно связана с именем Ирвинга Гофмана. До выхода в 1974 г. книги «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта» Гофман пользовался репутацией автора социально-драматургической теории, символического интеракциониста и соратника Г. Блумера. Его ранние работы («Представление себя другим в повседневной жизни», «Клиники», «Стигма») оказались востребованы впоследствии именно «теоретиками практик»: Э. Гидденсом [3, с. 121-130], П. Бурдьё [9], из российских исследователей – В. Волковым [2]. «Анализом фреймов» Гофман заявляет о себе как об исследователе повседневности, чьи теоретические притязания значительно шире трех постулатов и шести «базовых представлений» символического интеракционизма [8, р. 621]. От исследования *практик* интеракции «лицом к лицу» он переходит к изучению *фреймов* социального взаимодействия.

Перевод «Анализа фреймов», выполненный под редакцией Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой, – явление во многом знаковое. До того на русском языке выходили работы Гофмана, нацеленные на изучение разного рода практик (практик самопрезентации, практик организации пространства взаимодействия, практик управления впечатлениями). Без ссылок на ранние гофмановские произведения не обходится сегодня ни одна статья по «практико-ориентированной» социологии повседневности. Альтернатива такому подходу к повседневной реальности – изложенная самим Гофманом в «Анализе фреймов» – могла бы оживить теоретическую дискуссию вокруг понятия «повседневного мира» как мира, сотканного из потоков взаимодействий. (Впрочем, ведется эта дискуссия весьма вяло, и сама безжизненность обсуждения создает иллюзию концептуальной безальтернативности «практико-ориентированных» исследований повседневности.)

Рецензируемая работа открывается критикой теоретического основания интеракционизма – утверждения конструируемости социальной реальности взаимодействующими акторами. Согласно «теореме Томаса», если акторы определяют

* Виктор Семенович Вахштайн – старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии

© Вахштайн Виктор, 2006.

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

ситуацию как «реальную», то она реальна по своим последствиям. Гофман отклоняет данное допущение: «Определение ситуации как реальной, несомненно, влечет за собой определенные последствия, но, как правило, они лишь косвенно влияют на последующий ход событий; иногда легкое замешательство нарушит привычный сценарий и едва ли будет замечено теми, кто неправильно распознал ситуацию. Весь мир – не театр, во всяком случае, театр – еще не весь мир» (с. 61). Из чего следует, что ситуации существуют независимо от их «определений» взаимодействующими индивидами, а потому значение субъективного смысла в конструировании социального мира сильно преувеличено и внимание исследователя должно быть перенесено на нередуцируемые структуры взаимодействия, на его контексты. «По всей вероятности, – продолжает Гофман, – факт определения ситуации можно обнаружить почти во всех случаях жизни, но создают это определение, как правило, не участники ситуации...» (с. 61). Перефразируя Дж. Г. Мида, можно сказать, что определения ситуации создаются взаимодействием, но не взаимодействующими.

Такие неконструируемые определения и называются Гофманом фреймами. Термин «фрейм» находит активное применение в социолингвистике (для обозначения контекстов высказываний) и когнитивистике (для анализа структур представлений), однако Гофман заимствует это понятие у философа и этолога Грегори Бейтсона [7]. В концепции Бейтсона «фрейм» изначально используется для описания контекстов коммуникации животных.

У Гофмана «фрейм» также служит для контекстуализации социального взаимодействия и указания на его структурные характеристики, приобретая, впрочем, некоторую двойственность¹. Фрейм – это одновременно «матрица возможных событий», которую таковой делает «расстановка ролей» взаимодействующих, и «схема интерпретации», присутствующая в любом восприятии. «Мы принимаем соответствие или изоморфизм восприятия структуре воспринимаемого, – пишет Гофман, – несмотря на то, что существует множество принципов организации реальности, которые могли бы отражаться, но не отражаются в восприятии» (с. 86).

Так, фрейм становится центральной объяснительной категорией – он и «внутри» и «снаружи», и воспринимаемое и средство интерпретации воспринятого. Социальная жизнь и схемы ее распознавания индивидом структурно изоморфны. Теперь поток социального взаимодействия может быть проанализирован не просто как дискретный, состоящий из отдельных событий, сплетенный из «отрезков деятельности», но и «фреймированный», организованный в доступные изучению структуры. «Структура “фрейма”, – в отличие от “ситуации”, – устойчива и не подвержена влиянию повседневных событий. Она аналогична правилам синтаксиса» [11, p. 11-12].

Обращение Гофмана к метафоре синтаксиса неслучайно. «Структуралистская революция», произошедшая в 60-70-х гг. (не в последнюю очередь под влиянием стремительно развивавшихся когнитивных наук), увлекла исследователей коммуникации идеей поиска «мета-кода», некоей схемы упорядочения взаимодействий, существующей независимо от содержания этих взаимодействий. В исследованиях искусственного интеллекта в тот же период приносит свои плоды идея изучения структур представления информации. Работа Гофмана по анализу фреймов выходит практически одновременно с известной работой М. Минского «Фреймы для представления знаний».

Связь с основными интенциями «структуралистской революции» прослеживается в самом языке теории фреймов. «Frame» – каркас, скелет, рама, кадр, остов, оправа, стойка, форма. В немецком издании «Анализ фреймов» переведен как «Рамочный анализ» (Rahmen-Analyse). Переводчик книги на французский язык также перевел «фрейм» – «рамка», «кадр». (Последнее не покажется бесосновательным, если принять во внимание тот факт, что Гофман – работавший в Канадском национальном кинокомитете – строит свою концепцию с

¹ Гофман подчеркивает отличие собственной трактовки понятия «фрейм» от трактовки Бейтсона: «Бейтсон полагает «фреймирование» психологическим процессом; я считаю его свойством самой организации событий и когниций» [12, p. 84].

многочисленными заимствованиями из теории кино, активно цитируя В. Пудовкина, Б. Балаша, Б. Успенского.)

В рецензируемом издании используется калька английского термина – «фрейм». Хотя это переводческое решение лишает гофмановское понятие того богатства бытовых ассоциаций, которые имеются у слова «frame» в английском языке, перевод достаточно точен. Нужно лишь принять во внимание, что «фрейм» у Гофмана – это псевдотермин, заимствованное из обиходного языка слово, а вовсе не точное и однозначно определяемое понятие. (Другой возможный перевод этого ключевого гофмановского понятия, предложенный А.Д. Ковалевым, – «формат» [5].)

Фреймы организованы в системы фреймов (frameworks)². Среди систем фреймов «онтологическим приоритетом» обладают первичные или базовые системы, за которыми не скрывается никакая другая «настоящая» интерпретация (с. 81). Первичные системы фреймов – это и есть «настоящая реальность». В свою очередь, они подразделяются на природные и социальные. «Природные системы фреймов, – полагает Гофман, – определяют события как ненаправленные, бесцельные, неодушевленные, неуправляемые – “чисто физические”... Здесь царят детерминизм и предопределенность... Социальные фреймы, напротив, обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность – живая деятельность, воплощением которой является человек» (с. 82).

При всей их значимости, первичные системы фреймов, составляющие фундамент мира повседневности, не находятся в центре внимания И. Гофмана. Его гораздо больше занимают возможности трансформации, преобразования «настоящей, живой деятельности» в нечто пародийное, поддельное, «ненастоящее». Гофман выделяет два типа трансформаций.

Основной тип – *переключение* – представляет собой способ реинтерпретации некоторой деятельности, уже осмысленной в базовой системе фреймов («если нет исходной схемы, то нечего переключать»); ее перевод в другую систему координат (с. 104). Эта система координат, в сущности, образует некоторый мир вымысла. В качестве вымышленного мира может рассматриваться мир текста, мир сна, мир спектакля, мир спортивного состязания и т.д. В них «настоящая», разбитая на отрезки деятельность становится превращенной.

Второй тип – *фабрикация* – предполагает целенаправленное формирование ложного представления о происходящем (с. 145). Данный класс трансформаций объединяет розыгрыши, экспериментальную инсценировку (навязывание испытуемому ложного представления о целях эксперимента), учебный обман (взлом сейфа для тестирования системы безопасности), «патерналистские конструкции» (сокрытие информации во благо жертвы), проверки (введение жертвы в заблуждение для оценки ее действий), а также многочисленные формы злонамеренного обмана.

В отличие от фабрикации, переключение не предполагает намеренной лжи. Оно осуществляется посредством *выдумки* (имитации непревращенной деятельности в игровых целях), *состязаний* (в которых драка становится боксом, а погоня – бегом), *церемониалов* (символических преобразований повседневности), *технической переналадки* (например, воспроизведения фрагмента непревращенной деятельности в учебных целях), *пересадки* (трансформации мотивов привычной деятельности).

Одно из любопытных наблюдений Гофмана состоит в следующем: *наибольшим «потенциалом переключаемости» обладает деятельность, сама явившаяся результатом переключения* (с. 143). Например, учения – это «техническая переналадка» боевых действий. Специфика перемещения войск, отдаваемых команд, выполняемых тактических задач здесь предписывается определенным сценарием. Смысл сценария состоит в том, чтобы, с одной стороны, приблизить копию к оригиналу («условия, максимально приближенные к боевым...»), а с другой – сохранить происходящее в рамках фрейма трансформированной активности («без жертв»). Однако во фрейме «учения» к технической переналадке

² В отечественной литературе есть и другой перевод слова «framework» – «рамочная структура» [4], однако он предполагает отказ от самого термина «фрейм».

добавляется еще один слой (*lamination*) трансформации – состязание. В учениях участвуют две противоборствующие «армии», и исход «войны» заранее не известен. Теперь представим, что все происходящее снимается для учебного фильма и должно *выглядеть реалистично*. С этой целью некоторые фрагменты учений играют «на камеру», солдаты принимают более сосредоточенный и «боевой» вид, стараясь максимально соответствовать своей роли. Так в структуру фрейма включается третий слой трансформации. Если же допустить, что не все фрагменты играют перед камерой одинаково удачно и требуют дополнительных репетиций, то мы сталкиваемся с еще одним слоем технической переналадки – но теперь сами учения выступают «оригиналом», а репетиция – «копией».

Каждый следующий слой фрейма – это отражение отражения, перевод в новую систему координат того, что уже выдержало несколько переводов. В итоге Гофман оказывается перед необходимостью ответить на вопрос: как соотносятся между собой трансформированная и нетрансформированная деятельность в структуре мира повседневности?

«Когда мы считаем что-либо нереальным, – пишет Гофман, – мы иногда не учитываем, что реальность не обязательно должна быть очень уж “реальной”; с таким же успехом она может быть как инсценировкой событий, так и самими этими событиями, а может быть репетицией репетиции или репродукцией оригинального изложения. Любое из изображений может быть в свою очередь создано путем копирования нечто такого, что само является макетом, и это наводит нас на мысль, что суверенным бытием обладает отношение, а отнюдь не субстанция. (Бесценная авторская акварель, хранящаяся по соображениям безопасности в папке с репродукциями, оказывается в данном контексте лишь репродукцией)» (с. 677). Собственно, здесь фрейм-анализ перестает быть частной микросоциологической теорией и обнаруживает свой философский потенциал. Гофмановская постановка вопроса о реальности «социальной реальности» продолжает ряд задач, которые в философии повседневности связаны с именами У. Джемса, Э. Гуссерля и А. Шюца.

Джемс одним из первых заменяет классический вопрос «Что есть реальность?» вопросом «При каких условиях мы считаем вещи реальными?». Миры розыгрыша, церемониала, выдумки, соревнования, тренировки перед выступлением – это не просто части реальности, это самостоятельные универсумы, находящиеся в определенном отношении к миру непревращенных форм деятельности. Отсюда перенос внимания с самих форм опыта – рутинных или сфабрикованных – на отношения между ними.

«Я не думаю, – пишет Гофман, – что Джемс указал на что-то ценное в отношении “верховой” реальности (какая бы система фреймов при ее определении не задействовалась), однако я полагаю, он был очень находчив во всем, что связано с фиктивными областями. Его различение типов “субуниверсумов” не столь полезно, но утверждение того, что каждый из них имеет свой “особый и самостоятельный стиль существования”, представляет собой “согласованную систему” и каждый из этих миров “пока находится в центре внимания, по-своему реален” плодотворно. Этими идеями я обязан Джемсу. Их я и попытался развить в “Анализе фреймов”» [12, р. 83].

Впрочем, не только Джемсу обязан Гофман этими идеями. Другой источник его вдохновения – феноменологические теории Арона Гурвича и Альфреда Шюца, где последовательно развивается предложенное Э. Гуссерлем различение «предикаций существования» и «предикаций реальности». Как отмечает Шюц, «противоположностью первых являются предикации несуществования, последних – предикации нереальности, вымысла» [6, с. 22]. То, что «не существует», может, тем не менее, быть реальным *per se*, без обращения к субъективному смыслополаганию изолированного актора. Миры театра, сна и вымысла обладают *собственной* организацией, представляя собой замкнутые «регионы жизненного мира» (А. Шюц) или автономные «порядки существования» (А. Гурвич).

Итак, в теориях предшественников Гофмана эти области а) замкнуты и б) онтологически неравноценны (одна из реальностей обязательно оказывается «базовой»),

«верховой»). Первый тезис Гофман оспаривает еще во введении «Анализа фреймов». Утверждение Шютца о специфическом «шоке», который мы используем при переходе от одного региона к другому (например, когда опускается театральный занавес), кажется ему сомнительным. Напротив, «не-буквальные-реальности» (non-literal-realms) сосуществуют с нетрансформированной деятельностью; трансформация не «нависает» над рутинной, а встроена в нее³. Следовательно, жесткой границы между сегментами мира повседневности нет.

Со вторым тезисом все не столь очевидно. Само различие Гофманом «базовых» и «не базовых» систем фреймов указывает на сходство интенций Гофмана и Джемса. Онтологическая неравноценность мира фундаментальной деятельности, за которой «ничего не скрывается», и результатов трансформаций изначально принимается на веру. «При доказывании того, что повседневная деятельность снабжает нас своего рода оригиналом, с которым можно сопоставлять разного рода копии, – отмечает Гофман, – предполагалось, что исходная модель является чем-то подлинным, способным к фактическому существованию и в своем бытовании она гораздо прочнее связана с окружающим миром, чем любое изображение» (с. 679). Оказалось же, что повседневная жизнь зачастую представляет собой многослойное отображение некоего образца или модели, «которые сами являются воплощением чего-то весьма неопределенного в своем бытийном статусе» (с. 679). Теперь становится понятен сарказм Гофмана в его рассуждениях о «верховой реальности» у Джемса. Между копией и оригиналом нет разницы. Изображения являются такой же реальностью, как и сама «верховная» реальность.

Несмотря на кажущуюся легкость изложения и бесспорный талант Гофмана-рассказчика, концептуальный аппарат теории фреймов исключительно сложен для перевода. Наибольшую сложность представляют уже упомянутые понятия «*frame*» и «*framework*». Последнее может переводиться как «система фреймов» лишь условно. В действительности речь идет о «фрейме фреймов», «метафрейме», интерпретирующем все включенные в данный кластер схемы интерпретации. Попытка описания такой «структуры структур» опять же обнаруживает близость словаря гофмановской теории к структуралистскому дискурсу⁴.

Другая трудность перевода на русский язык словаря теории фреймов обусловлена специфическим стилем Гофмана, его склонностью пользоваться «псевдотерминами», т.е. заимствованными из повседневного языка многозначными понятиями. «Промачи» (muffings), «игровое притворство» (playfulness), «обман» (hoaxing) – за каждым из этих понятий в словаре теории фреймов закреплено вполне определенное теоретическое содержание, которое оказывается погребенным под лавиной обыденных ассоциаций. Такая манера терминологического заимствования из обыденного языка наследуется Гофманом от его учителей – представителей Чикагской школы социологии (в первую очередь от Эверета Хьюза). Отсюда ряд неточностей при переводе. Так, во вступительной статье Г.С. Батыгина, содержащей подробное описание и детальный анализ основных понятий теории фреймов, есть разбор ранней статьи Гофмана («On cooling the mark out», 1952), название которой предлагается переводить как «Трезвое отношение к видимостям». Однако в статье речь идет не о сознательной «маркировке» (mark out) «людей, влияющих на наше поведение» с целью «снижения риска быть обманутыми» (с. 13), а об используемых мошенниками специфических приемах приведения в чувство (cooling out) своей жертвы (the mark), которую заставляют смириться с обманом и тем самым «адаптируют к неудаче». Поэтому дословный перевод статьи – «О приведении жертвы в чувство». Впрочем, подобные неточности

³ Хотя Гофман признает, что, будучи встроенными в мир рутины, отрезки трансформированной деятельности пригнаны к нему не столь плотно, как «деятельность в буквальном смысле слова» (с. 677).

⁴ Любопытно, что некоторые современные социологи-постструктуралисты (Б. Латур, М. Каллон), противопоставляя жесткой «структуре» подвижную и гибкую «сеть» как иную форму социального взаимодействия, апеллируют к И. Гофману, достраивая его концепт «*framework*» до теоретической оппозиции «*framework/network*» [13].

неизбежны при переводе работ Гофмана⁵. Все это несколько не умаляет достоинств вступительной статьи Батыгина, в которой впервые предпринимается попытка дать структуралистскую контекстуализацию теории фреймов.

Еще одна трудность перевода «Анализа фреймов» связана с особенностями привлечения Гофманом ряда концептов из лингвистики, этологии, когнитивистики, киноведения и музыковедения. Например, понятие «переключение» (keying) нагружено музыкальной метафорикой (с. 105). При этом англоязычному читателю дается ряд намеков на то, что «ключи» следует понимать по аналогии с музыкальными ключами. (Хотя и сам Гофман признает, что слово «тональность» здесь было бы более уместно: переключить действие, значит «сыграть» его в другой «тональности», в ином смысловом диапазоне). Отнюдь не всегда эту метафоричность гофмановского словаря можно донести до русскоязычного читателя.

Несмотря на перечисленные трудности, перевод позволяет проследить связь теории фреймов с некоторыми базовыми посылками повлиявших на Гофмана структуралистских теорий. «Анализ фреймов» – это прежде всего работа о смысловых *структурах* повседневного мира. Тем не менее, одной структуралистской реинтерпретации социологии повседневности не достаточно для осмысления тех философских вопросов, которым посвящен «Анализ фреймов».

Что дает исследователю повседневности переключение внимания с практик на фреймы, с содержания деятельности на ее структурную контекстуализацию? Ирвингу Гофману такой «структуралистский поворот» позволил представить социальную реальность повседневного взаимодействия во всей ее многослойности и «не-буквальности». Не «субстанция» (содержание действий), а «отношения» (закрепленные в структуре фреймов) обладают суверенным бытием. Отношения же эти проявляются в первую очередь в структурной организации фреймов, в системе «слоев» и пространственно-временных «скобок» деятельности.

Критикуя гофмановскую теорию, Н. Дензин и Ч. Келлер писали: «Театральная и метафорическая интерпретация Гофманом “фрейма” заводит его в несуществующий мир театра, где трансформации надстраиваются над трансформациями... Если структуралистская интерпретация “Анализа фреймов” подтверждается (а мы полагаем, что это так), тогда вклад Гофмана в интерпретативную социальную науку оказывается ограниченным. Его фреймы – замороженные формы. Его концепция реальности – обманчива и туманна. Постулированные им “трансформации” не имеют под собой никакой основы или причины. Его фреймы схватывают события на периферии социальной жизни. Мистификации, промахи, ложные шаги, порнография, благотворительность, репетиции, игры без игр, игры животных, телевизионная реклама, театральные сценарии, грандиозные обманы и Дон Кихот в кукольном представлении, безусловно, находятся на краю повседневной жизни большинства людей... Никакого взаимодействия в “Анализе фреймов” нет» [10, р. 72-74].

Что в этой критике звучит более угрожающим обвинением: «структурализм», отказ от изучения «живого взаимодействия» или исследование «несуществующего мира», туманной реальности? Очевидно, две эти претензии связаны так же тесно, как внимание к «не-буквальным-реальностям» связано со «структуралистским» способом их анализа в работах самого Гофмана.

Отражения отражений отнюдь не находятся на периферии социальной жизни. Они заполняют повседневность, делая ее все более виртуальной, убеждающей нас в реальности несуществующего. Таким образом, исследователь повседневности оказывается перед выбором: или продолжить поиск ускользающего оригинала, фундаментального уровня социальной реальности в практиках повседневного взаимодействия или, признав тождество оригинала и копии, переключиться с изображения в зеркале на сами процессы отражения, искажения, трансформации. Теория фреймов Ирвинга Гофмана – яркий пример того, как эти

⁵ Например, в немецких источниках данная статья упоминается под названием «Хладнокровная разметка» [1].

процессы могут быть описаны на языке не «практико-ориентированной» социологии повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. под общ. ред. Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Алетейя, 1999.
2. *Волков В.В.* О концепции практик в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6.
3. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003.
4. *Гоффман Э.* «Я» и Другой // Личность. Культура. Общество. 2000. Том 2. Вып. 3(4).
5. *Ковалев А.Д.* «Фрейм-анализ» Гоффмана с точки зрения переводчика // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. N 2. [online] <<http://www.sociologica.ru/04tra1.pdf>>.
6. *Шюц А.* О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 2.
7. *Bateson G.* A Theory of Play and Fantasy // Psychiatric Research Reports, 1955, №2.
8. *Blumer H.* Symbolic Interactionism: Perspective and method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1969.
9. *Bourdieu P.* Erving Goffman: Discoverer of infinitely small // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 3-5.
10. *Denzin N., Keller Ch.* Frame Analysis Reconsidered // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 65-79.
11. *Goffman E.* Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Anchor, 1967.
12. *Goffman E.* A reply to Denzin and Keller // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 79-91.
13. *Latour B.* On interobjectivity // Mind, Culture, and Activity: An International Journal. 1996. Vol. 3. № 4.
14. The practice turn in contemporary theory / ed. by T. Schatzki et al. New York : Routledge, 2001.